

Андрей Сутоцкий
18+



Оркестр тишины

КНИГА СТИХОВ

Андрей Сутоцкий

Оркестр тишины. Книга стихов

«Издательские решения»

Сутоцкий А. М.

Оркестр тишины. Книга стихов / А. М. Сутоцкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695818-0

Из поэтических строк Андрея Сутоцкого складывается картина духовного поиска удивительного жизнелюба, философа-романтика, не желающего изменять представлениям о своём кредо и месте в русской культуре. И потому его стихи всегда будоражат, всегда радуют и рожают лучшие качества в душе любого читателя. Книга «Шангостров» (2000 г.) — это светлая надежда о возвращении уходящей Природы Русского Мира, попытка понять автором тайну души простого русского человека, его самобытность и привлекательность.

ISBN 978-5-00-695818-0

© Сутоцкий А. М.
© Издательские решения

Содержание

КАК ВЫЙДЕТ СРОК...	6
МЕСТА ДЛЯ «ИЗБРАННЫХ»	7
МУРАВЕЙ	8
МУЗЫКА НАД ОСТРОВОМ	10
ПОДБОР КЛЮЧЕЙ	12
УТРО В ЛЕСУ	13
ЧЕРЁМУХОВЫЙ СНЕГ	14
В ПРЕДВКУШЕНИИ	15
НЕБО	16
В АНТРАКТЕ ДАЧНЫХ АППЕТИТОВ	17
СИНИЙ ДОЖДЬ	19
ЦЕНА ПОДАРКА	20
ФРАГМЕНТЫ МАЯ	21
ТИШИНА	22
В НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ БЛИЗОСТИ...	23
НА НЕДОЛГУЮ РАЗЛУКУ	24
МУЗЫКА ГЭС	25
ЗА ЧТО?	27
МИР УСКОЛЬЗАЮЩИХ ТЕНЕЙ	28
ПЕРЕМЕНА ПОГОДЫ	30
СО СТОРОНЫ	31
ИЗ БАННОЙ ЛИРИКИ	32
У ФОТОГРАФА АЛЬБЕРТА	33
ПРОГУЛКИ ПО РАСТАЯВШЕМУ ВРЕМЕНИ	35
ПАРК	37
REMINISCENTIA	39
ЛЮБИМАЯ СПИТ	42
JESTER JACK	43
НЕСОЛОНО ХЛЕБАВШИ	44
ЭТЮД	45
В ОЖИДАНИИ РАДОСТИ	46
У ВАЛЕНТИНЫ	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Оркестр тишины Книга стихов

Андрей Михайлович Сутоцкий

Дизайнер обложки Андрей Михайлович Сутоцкий

© Андрей Михайлович Сутоцкий, 2026

© Андрей Михайлович Сутоцкий, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-5818-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

посвящается Сутоцкой Н. Н.

КАК ВЫЙДЕТ СРОК...

У Перфильева Ивана —
Не калина, не малина,
Не крыжовник-злотоус,
А смородиновый куст.
Красным маревом он пышет.
Ветер чуть его колышет.
Отуманивает рань
Ягод маревую ткань.
Ночь по яголке срывает
И... трусливо убегает...
А когда и сам Иван
Рвёт на закуску под стакан
Самогоночки соседской, —
Лучше нет смороды, дескать,
Для закуски... Бродит кот...
Не смороду ли он рвёт?..
Лапой тянется до ягод...
Но да морщится, бедняга:
Вроде ярк ягод цвет,
А сорвать — желанья нет.
Но зато иные бестии
Не дождутся, чтобы съесть их...
Что мешает? Сетки — нет,
И хозяин — домосед...
Может, просто не поспела?..
Быстро ночка пролетела.

И... по яголке
ворьём
Куст
раздело
вороньё...

МЕСТА ДЛЯ «ИЗБРАННЫХ»

Нам иметь не надо визу,
Чтоб к утру попасть на мызу,
Где песочек и вода
Втрое ласковой кота.
Только вот ворота узки:
Там полно уж новых русских.
Джипы, тёлки, ругань, визг,
Веера колючих брызг
Гидроциклов... Ох уж эти
Лихачи!.. Чутки замедли
И... башку тебе снесут
В аккурат. По сути, тут
Отдыхает часть тартара,
И... нестройная гитара
В жирных пальцах – чуть жива.
Сели черти пожевать
Непрожаренное мясо.
Надуваются матрасы
Для услужливых девиц,
Что вполне б сошли за львиц.
На матрасах на упругих,
Задом к небу, ждут подружки
Наглых рук и, знай, визжат,
Коньяка глотнуть спешат.

Желтоглазою пантерой
Ночь пройдёт. Всему есть мера.
И терпенью мера есть.
Встанет солнце. Правды месть
Враз развеет бесов мутных
По земле, да так, что будто
Вовсе не было их здесь.
Ну а берег?.. Берег весь —

Захламлён. Придёт старушка
Из ближайшей деревушки,
Соберёт всю грязь в мешок
И... очистит бережок.

МУРАВЕЙ

(в ритме считалки)

Вот вам – чёрный муравей.
Без ресниц и без бровей.
Без хвоста и без волос.
Насекомый негритос.
Весь на части поделён.
В каждой части округлён.
Хитро сложен, шестиножен...
Пара глаз на чёрной роже.
За собою тянет лист.
Цепок, ловок, мускулист.
Силы попусту не тратя,
Он способен, в результате,
Самых крепких превзойти.
Так что с малым – не шути!
Посмотри на муравья.
Узнаёшь ли в нём себя?
Поучись труду, бездельник,
Как работают без денег,
Чудо хвойное плетя,
Коммунизмы возводя.
Всем и каждому понятен,
Не болтун, а созидатель
Наш учитель-муравей.
Кто отыщется мудрей
Муравья? А вот термиты —
Лишь разрухой знамениты.
Сходство есть, но есть изъян:
Брат термита – таракан.
Здравствуй, чёрный муравей!
Не одних ли мы кровей,
Если кров наш, как и твой,
Очень даже непростой?..
Так-то так, да вот беда —
Мучит нас боязнь труда,
Дразнит лени одеяло...
Но...
не всё ещё пропало!
Поспешим за муравьём
Укреплять наш общий дом!..
А коль будем мы дружны,
То Любви достичь должны'!..

Осмотрительней, друзья!

Уважайте муравья!

МУЗЫКА НАД ОСТРОВОМ

Мой удивительный остров
Нитями звуков опутан.
Тёплая музыка неба
Сыплется трелями в травы.
Музыкой светится воздух,
Переливается утро...
Слева – лазурная небыль.
Быль синеокая – справа.

Не объяснить эти звуки,
Сколь бы их не было много
И... записать невозможно
Бегло на нотном стане...
Ветка качнётся упруго.
Птица пугливая вздрогнет.
Часто зафыркает ёжик.
Зло ошестинится стая.

Дождик пройдёт по теплице,
Мокро расправившись с плёнкой.
В шариках-гнездах осиных
Ветер затянет волынку.
В звонких серебряных спицах
Свяжутся ровные строки —
Яркие, как апельсины,
Сладкие, как земляника.

Ночью – другие оттенки,
Смысл иных интонаций...
Вздрогнет в конюшне лошадка.
Муха проснётся в кувшине.
Кошка отскочит от стенки,
Думая с кем бы подраться.
Выйдут на свет лягушата,
Кажущиеся большими.

Музыка не утихает,
Не переходит на коду...
Скрипнула дверь удивлённо.
Вздрогнул под камушком окунь.
Музыка не утихает,
Плавню меня аккорды:
Или волной на полтона,
Или струёю со стока.

Мой удивительный остров
Нитями звуков опутан.
Тёплая музыка неба
Сыплется трелями в травы.
Музыкой светится воздух,
Переливается утро.
Слева – лазурная небыль
Быль синеокая – справа.

ПОДБОР КЛЮЧЕЙ

Я долго и много с тобой говорю ни о чём,
Как будто, о, боги, в пустую игру вовлечён...
Сбиваются курсы... Знать, скоро опять налечу
На острые рифы, забыв, что мне всё по плечу.
Прости, пожалей, но с тобою так сладко болтать,
Акценты в словах не спеша находить, расставлять...
И быть лицедеем, притворщиком только затем,
Чтоб взгляд твой поймать... Ну, никак не могу без затей...
Банальность чревата холодной и горькой тоской.
А так – уцелел, не пропал, не ушёл с головой
В запой, в гаражи, в миражи, где под рюмку друзья
Расскажут про жизнь... И, как правило, не тормозя
Рванут за второй и... пойдёт, завертится кино,
От коего станет уныло, похмельно, темно...
Уж лучше я буду притворщиком. Ты и сама
Осведомлена, разве нет, о моём амплуа...
Давай, подыграем друг другу, чтоб выйти опять
К заветной любви, что мы тщетно пытались прервать.

УТРО В ЛЕСУ

Залит лес рассветными лучами.
Затаив дыхание, стоит он,
Никого вокруг не замечая:
Не охотника, не следопыта...
Но роса омывает его листья,
Улетит вороной его дрема,
И взорвётся песней голосистой,
Как ребёнок, день новорождённый.
Но пока – кора ещё прохладна.
Не видать усатых насекомых.
Звонкий писк под листья леса спрятан,
Прелым дёрном нежно призакопан.
Прикрывает папоротник, прячет
Семь горошин бурой земляники.
Мухомор в траве, как детский мячик,
Словно позабытый кем, взгляни-ка...
Сев на ствол, в грозу упавшей ели,
Я восход с волнением встречаю.
Не заснуть бы в хвойной колыбели
Под лиловым цветом иван-чая...
И дрожит на иве невысокой
Шаль росинки, в лучиках играя...
То с тоски Ветряник одинокий
По Зарнице-Девике вздыхает.
Притворилась ракушками мята.
Недотрога-ландыш снежно замер,
С беспокойством глядя, как опять
Обживают свой трухлявый замок.
Встрепенулась птица, полетела,
Замахала крыльями упруго
И с высот торжественно запела
В жёлтом свете солнечного круга.
Разливайся песня, разливайся,
Да под гусли статных хвойных старцев.
И шепчу я лесу: «Просыпайся...
По зиме ты сможешь отоспаться...»

ЧЕРЁМУХОВЫЙ СНЕГ

Мы неспешно по лесу идём
Меж цветущей черёмухи и
Не надышимся ею. Она
В белом кружеве платьев Готовится к балу... холодов...
Начинается вечер. Опалово-алой
Акварелью разлиты по небу стихи...
Но стихи не прочесть, не понять,
Не запомнить. Они
Только чувству подвластны,
А чувство – всё больше не в голос...
Тёмен бурый восток,
Где гуляет с Макошею Волос
И еловые лапы
Не колки с приходом весны.
Велес мой, владеющий
Северным миром,
Ты проведь нас сквозь тьму
Мшистых жутких лесов,
Подружи с персонажами сказов...
Пусть глазеют на нас
Молчаливо болотные травы...
Ягод красных бы горсть!..
Но лишь тьма, но лишь муть
Да разводами чьи-то следы...
Значит, кто-то идёт впереди, —
Непомерно могуч, выше туч...
«Кто ты, друг?!..», – я хочу ему крикнуть,
Но... страшно...
Что за запах у этой листвы,
Убелённой весною листвы
От вершин до корней...
Где-то прячется ключ, —
Ключ студёной воды...
Не найти, не взглянуть, не испить...
Но да слушать его —
Всё равно, что касаться бессмертья.
Белоцветьем черёмухи покорены,
Мы никак не надышимся прелью вечернего леса...
И плывут холода,
Ускоряясь от злости, как бесы,
И... зовут не внимать... пробуждёнью... весны,
Робкой снежностью лес убелив.

В ПРЕДВКУШЕНИИ

Накрапывал дождик субботний.
Небесное действо – неспешно.
Мы мокли, томясь у коптилки,
Где вкусно дымились лещи.
А в озере – их антиподы
Утюжили вдоль побережья...
И солнце турецкой гвоздикой
Смотрело на нас сквозь дожди.
Поленница дров прогорела.
Коты горлопанили с тыла.
Я крышку горячую поднял —
В чешуйчатом золоте сок...
Ждать пищу – голодное дело,
В котором себя мы забыли.
Как будто б и вправду природа
Пространство свернула в клубок.
Коты безнадёжно промокли, —
Бросали унылые взгляды
На чёрный прожаренный короб,
И... стали похожи на нас...
Гремели железные стоки
На старых сарайках, что рядом
Скучали да мокли нескоро...
И дождь этот был им – как раз.
Дошли... золотистые лапти,
Ольховым парфюмом объаты...
Отшлёпывал дождь их по брюшкам
Незлю, превращавшийся... в пар...
«Ну что же, по-моему – хватит...», —
Проверил я рыбу лопаткой...
На противень скинул и... кушать
Понёс, как божественный дар.
А дождик всю землю расквасил,
Усилился, чёрт... И коптилка
Увязла в земле... с перекосом,
Оставленная на потом...
...и слышалось: «Не увлекайся...
Кусочек-другой пропусти-ка...»

И лещ перешлёпнулся в прозу
И в синие блюдца котов.

НЕБО

Облака, объясните, прошу вас, в полёте,
Изложив на лазурной странице небес —
Почему вы не всех на земле узнаете,
Отказавшись касаться её наотрез?

Эта синь, эта высь без конца и начала,
Цвет имея, не давит на нас потолком,
Человеческий дух от земли отлучая,
Чтоб о суетных днях он не помнил потом.
И молчит небосвод, и взирает бесстрастно,
И манит, и зовёт оторваться на миг.
Я бы взмыл над землёй!.. Понимаю — опасно,
Ведь науку летать я пока не постиг.
Не постиг я её, да и тело, признаться,
Всё сильнее и сильнее прилипает к земле...
Но душе — всё одно. Ей бы с Небом обняться...
Полетать бы душе... Да хотя б на метле.
Что за дикая страсть «заглянуть за пределы»,
Отведённые Небом, дана нам с тобой,
Если мы говорим, говоря не умело,
И несёмся к чертям чуть живой голытьбой?..
Ну, заглянем мы, да... ну, почувствуем что-то...
Холодок по спине пробежит сверху вниз...
А потом под аркан маяты и заботы?..
И прощай, запредел, — тихий шорох кулис.
Чем притуплено в нас это чувство полёта?
Что толкает людей проживать эту тьму?
Сами дайте ответ, если будет охота.
Только знайте — о нас всё известно Ему.

В АНТРАКТЕ ДАЧНЫХ АППЕТИТОВ

В магазине продуктовом
Покупаем мы на дачу:
Масло, сахар, лист лавровый,
Чая байхового пачку,
Ветчины батон столичный,
Вологодский хлеб без крошек,
Две поллитры, как обычно,
Ну а то и три, быть может...
Яйца, мясо, свежий творог
И, конечно же, конфеты;
Пачек двадцать «Беломора»
Для прокуренного деда,
Банок пять свиной тушёнки,
Банок семь консервов рыбных...
(лишь не мучила б изжога),
И... ещё одну на выбор...
К чёрту стыд! Берём эклеры,
Банку мёда, кекс, рулеты...
Русский брат – не знает меры.
«...блин, забыли про котлеты...»
И... обратно – банки, банки...
«Любопытнейшее блюдо!..
О, и здесь одни добавки!..
Докатились... до фаст-фуда...»
ГМО мутанты любят.
Ну а чем мы не мутанты,
Выбирающие тупо
Вместо жизни – консерванты?
Принимая магазины
За родник, дающий радость,
Трёмся, трёмся о витрины,
Толстобрюхи, толстозады...
Тяжелы пакеты наши.
Могут лопнуть? Безусловно.
«Стоп! Ещё не взяли фарша...»
«А какова?» «А свинова...»
С грустью смотрим мы на цены...
Далеко ли добираться
Нам до дачи?.. Тридцать, в целом.
Так что глупо возмущаться.
Потому и набираем
Больше впрок, одною ходкой,
Подчистую, как пираньи
Всё сметая с полок... Во как!
Злится очередь, врезая

Мат за матом, то и дело,
И, конечно же, не знает,
Что ещё нам захотелось
Взять пол-литра майонеза,
Банки три сгущённых сливок...
И... глазами я растерзан,
Озираясь опасли'во.
Вот бабуля с синей сумкой
Сквозь очки глядит с прищуром,
Вот парнишка белокурый
Из-под чёлки смотрит хмуро,
Нервный дядя корчит рожи,
Барабаня по витрине,
Две подружки-злючки тоже
С укоризной в каждой мине...
Ну а мы... берём корейку,
Кошелёчки открываем
И, копейку за копейкой,
Вынимая вынимаем...
И как будто бы не слышим,
Недовольству не внимая...
А толпа – драконом дышит
И, конечно, обжигает...
Расплатились. «Наконец-то!!!!»
Но с гримасами испуга
Воротились: «Дайте перца
Нам ещё и... пару лука...»

СИНИЙ ДОЖДЬ

Нас синий дождь накрыл над лугом,
Сплетая с травами цветы.
И стала ткань земли упруга...
И стали помыслы чисты...
Но помышляя о Высоком,
Я вновь и вновь ловлю себя
На мысли, что всему есть сроки
И... жизнь на радости скупа,
Чтоб в синих ливневых потоках
Быть убежавшим от невзгод...
Изводят ум шальные токи,
Боясь пролившихся щедрот.
Нет, согласиться мы не можем
С недолговременностью сна...
И вот он – дождь... И сумрак ожил...
И розой вспыхнула Луна...
И свеженабренные краски
Уже готовы лечь на холст...
Так знать, старанья не напрасны?..
И это даже не вопрос.
Устала бедная природа
Напоминать нам о любви...
О том, что мы питомцы Рода
И меж собой – одной крови...
Ну так очисти наши души,
Мой синий дождь!.. И в этот раз
Я буду истинно послушен,
Внимая шуму водных масс.
Тащи, тащи нас, мокрый, в небо
И дух ослабший – не жалея,
Чтоб мы, как злаковые стебли,
Тянулись к милости твоей!

ЦЕНА ПОДАРКА

Мне на завтра было – тридцать семь.
Ты жила в раздумьях о подарке.
А по мне хоть нет его совсем:
Абсолютно праздные запарки.
В павильоне книжном, как-то вдруг,
Увидала ты средь скучной дряни
На последней полочке, в углу,
Мой подарок – «Игорь Северянин».

ФРАГМЕНТЫ МАЯ

1.

...и горлопаны-петухи
Кричат, ошпаренные грозами,
И кружат ревностно над розами
Шмели, ища свои духи.
Дома промокшие насквозь —
Зонты над всклубленными тучами.
На окна крыши нахлобучены,
Чтоб разглядеть не удалось
Грозы серебряную сталь
Возле печи сидящим дома нам...
...и гладит мокрыми ладонями,
Лелея землю, месяц май.

2.

Всепрячущий туман. Растёт роса.
Деревня спит, поскрипывая тайно.
Но петухи, застыв от ожидания,
Опять задрали гребни к небесам.
На кромке поля высветился конь,
Глядящий сквозь туманные покровы
В ту даль, где солнце августа откроет
Цветной секрет – какой он есть покой.

ТИШИНА

Словно жизни лишена,
Опустилась тишина...
Опустилась нам на крышу
Белым облаком, неслышно...
Тише, тише... Тишина... —
Сна немого пелена...
Вот бесшумно шторы гладит
Ветер утренний прохладный...
Время ме-е-е-дленно течёт...
У печи усатый кот
Машет веером пушистым,
Белым-белым шелковистым...
Тише, тише... Тишина...
В зеркалах отражена.
Встали ходики, не ходят...
Статуэтки на комоде
Льдом фаянсовым блестят,
Тайну тайную таят...
Тише, тише, тишина...
Вдруг заёрзал у окна
Жук зелёный неуклюжий
И... покой
в дому
нарушил.

В НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ БЛИЗОСТИ...

В избе бабы Ани местечечко есть,
Где не развернуться и трудно присесть.
Меж хлевом и хатой, в стеснённом пространстве,
В паучесоломоновозном убранстве...
Шагнёшь в эту сказку... секунда и... вот —
Мигнёшь-не заметишь, как страх подопрёт.
Под тусклою лампой, в светящейся пыли,
Знакомые тени опять забродили...
Тут – хрюканье хряка, там – грохот быка...
И, кажется, будто бы... Баба Яга
Кряхтит во хлеву, батогом колотится...
Не каждому здесь по душе находиться.
И я бы сюда – не заглядывал... Нет.
Но энтое место зовётся – клозет.

НА НЕДОЛГУЮ РАЗЛУКУ

Уезжаем, уезжаем...
Сумки плотно набиваем
Ценным грузом мелочей.
От волнения бойчей
Сердце бьётся... И тревога...
Скачет-скачет у порога
Неким тёмным существом,
Вдруг вступившая в родство
По указке чьей-то с нами.
Препоясанная снами,
Ночь (хрустальный звёздный шар)
Провернулась не спеша
До шести утра и... тенью
Ускользнула, к удивленью,
То ли в шкаф, а то ли в печь...
И... дрова нам не разжечь.
В мир природы дверь до срока
Затворяем... Ждёт дорога...
Что осталось?... Вспоминать...
То, что в сумках не забрать.
Оставляем, оставляем
Домик с лодкой и сараем,
Нити троп лесных глубин,
Кант оранжевых рябин,
Тюль сирени предвечерней,
Гроз лиловые свеченья,
Голубые берега,
Взгляд тайги издалека,
Поле с ветром беззаботным,
Синеглазые высоты,
Так зовущие взлететь...
Но да, видно, не успеть...
Уезжаем, уезжаем...
Потихоньку, не мешая
Просыпаться цветникам,
Недотрогам-мотылькам...
Уезжаем, чтоб вернуться.
И слова стихами льются
На ладошки сонных трав.
Поезд, почта, телеграф...

МУЗЫКА ГЭС

В пыли воды зелёно-синей
Стоим реки посередине
Мы на мосту с тобой одни.
А по реке плывут огни
Мычащих чёрных сухогрузов,
Что пропадают в глотке шлюза,
Едва коснувшись ржавых стен:
То влево – крен, то вправо – крен...
Вот – здание ГЭС. Под крышей – дата
Дразнит проезжих адресатом
Былой поры сутулых спин,
От светофора отцепив
Вниманье молодости... Камень
Не изменяется веками...
Как будто только что вчера,
Урча, крутились трактора
Пред показным архитектуры...
Пахнув дымком, баркасик юркнул
В освободившийся канал
И там затих, – видать, устал.
Под рёв турбин, буквально рядом,
Над громогласным водопадом
Стоим и страстно смотрим вниз,
Как на спектакль из-за кулис.
И странно, небо – разделилось...
От туч оно освободилось
С востока. С запада оно —
Чернее чёрного фано.
Таскает баржа, как-то просто,
Заросший плавающий остров,
Швартуя к берегу его.
– Пойдём, гроза недалеко... —
С каким-то сумрачным настроем
Меня ты просишь.
– Да постой же
Ещё чуточек... Не спеши...
Не для ума, а для души.

Шум пенных брызг, гудки посудин,
Что стали музыкой по сути
Для нас, размеренных гуляк...
Вот грома искристый форшлаг
Прошёлся по небу расколом...
Но удивительно спокойны
Мы пред начавшейся грозой.

Минута, две и... дождь косой
Прибавил мощи водопаду...

ЗА ЧТО?

Нашу землю топчет ночью
Стадо жутких кабанов.
Кабы мог я знать, что хочет
Этот зверь, да введено
В заблуждение сознание
И виновных – не найти.
Леший, что за наказание?..
Живо нечисть изведи!
Огород клыками вспорот.
На две стороны костёр
Свежих дров и ползабора
В щепки-щепочки... Хитёр
Ярый вепрь кровавоглазый...
Только дыма без огня —
Не бывает. Это ясно.
Зверь преследует меня?..
А за что?.. Да мало ль черни
В человеческом аду,
Чтоб забылось назначенье...
И клыкастый злобный дух
Мстит... как будто бы за выстрел, —
Пусть не мой... Не объяснишь
Грубошёрстным тварям быстрым,
Что не ты с ружьём стоишь.
Гул и визг впотьмах осенних.
Мож и впрямь шмальнуть разок?..
Но в лесу найду ль спасенье,
Коли выйду на чуток
Я из дома по грибочки
Да по ягодки гулять?..
Нитью – след – звериный почерк...
Посему осталось ждать,

Когда стадо двинет в чащу
Тропки с тропами плести,
Чтоб в молчании кричащем,
Так и быть, меня спасти.

МИР УСКОЛЬЗАЮЩИХ ТЕНЕЙ

И кто же это прятался
Минувшей ночью в травах?
Скажи, кудель примятая,
Людские ли забавы?..
А может, зверь неведомый,
На вроде Чуда-Юда,
Был здесь? И не медведем ли
Зовётся этот сударь?
И что ж это за чёрт такой —
Неведомое нечто?..
Картина впрямь нечёткая
В итоге-то конечном..
И не проверить оное,
Не убедится толком...
Туманное безмолвие,
Похожее на волка.

Что, собственно, по сути нам
Известно о сознание?
Какое правосудие?
Какое наказание?
Сигналы бестелесности...
Реликтовые шлейфы...
Не навернуться б с лестницы,
Да не свернуть бы шею...
А истина... Что истина?..
Следы, засовы, эхо...
Шурша сухими листьями,
С сомнительным успехом
Уходит жизнь в безвременье...
Чего ж весна хлопочет
Под мартовскими перьями?..
Какой в том смысл?.. А впрочем...
Нет, кто же это прятался
Минувшей ночью в травах?
Молчит кудель примятая...
А на молчанье право
Имеет лишь таинственность,
Заглядывая часто
В наш космос взором пристальным,
Чтоб вызвать чувство счастья.

И вот сродни охотнику
Бреду по следу зверя...
А зверь за мною ходит и

Глазам своим не верит,
Буквально – за добычею,
Короткими шажками,
Ни ветками, ни птичками,
Ни блёсткими глазами
Себя не выдавая. Но...
Найти бы это диво!..
Молчит трава, повалена...
Дрожит в испуге ива.

ПЕРЕМЕНА ПОГОДЫ

(этюд)

Раннее утро. Туман над волной.
Сонное озеро тихо вздыхает.
Дальней часовни размеренный бой
Ноткой тревоги леса оглашает.
Ах, не тревожьте вы душу мою
Звонкой тоской, колокольные звуки...
В звоне ли том я Любовь узнаю
И очищаюсь у Света на круге?
В тёмно-зелёную воду гляжу:
Стайки мальков в невесомости кружат...
Жив ли я, боги?.. Дышу, не дышу,
В ясном сознании вдруг занедужив?
Так и пошёл бы в туман по воде,
Словно Учитель по Генисарету...
Только вот то, чем я вмиг овладел,
Странное дело – похоже на ветер.
И полетел полулай, полувой
Старой соседской собаки, из леса...
Замер туман и, от страха седой,
Бисером звонким рассыпался весь он.
Медленно ожили ивы в воде...
Зашелестела бумажно осока...
Заголосили в надрыв у сетей
Шумные чайки... Знаком голосок их
Каждому в этих продутых местах...
Ну а тем более – стайковым рыбам...
В клюве дрожит серебрянка хвоста...
Ветер усилился. С новым порывом
Серая лохмь нарастающих туч
Бросила белые щупальца в воду
И, заполняя небес пустоту,
Тут же взялась сочинять нам погоду.

СО СТОРОНЫ

А за окном мелькает свет
Всё так же через трафарет
Бессвязных аббревиатур
И надоедливых фигур...
А за окном бегут они, —
Бегут, попинывая дни,
Мои сограждане-друзья...
Кто знает, вдруг среди них и я
Бегу звеном в одной цепи,
На спину номер нацепив...
Не оттого ль в судьбе моей
Полным-полно похожих дней?..
И ни окликнуть, ни вспугнуть,
Когда в базальт утопан путь,
Когда в сознание внушены
Боязнь и холод тишины.
Но в этой самой тишине
Таится тот, кто нужен мне.
Да, я, увы, такой, как все —
Подобен белке в колесе.
И если что-то говорю,
То не особенно горю.
Но в каждодневной беготне
Я стал нуждаться в тишине,
Где ум спокоен, а душа
Способна жить без барыша.
Всё повторится. И не факт,
Что ночь промчится, как антракт...
Но в свете будущего дня
Я дотянусь ли до огня?..
Что суетиться?.. Есть — окно...

А вам, простите, не темно?
В окошко гляньте — нет ли там
И вас, бегущих по пятам?..

ИЗ БАННОЙ ЛИРИКИ

Топится каменка силой берёзовой.
Жаркая баня встречает гостей.
«Хочешь попариться? – дело серьёзное...
Вот те бадейка – бери и владей...»
В свете фонарика, в тесном предбаннике
Оводы бьются о голых людей.
Ждёт не дожётся сухая ботаника
Наших разнывшихся к ночи костей.
Быстро ныряем (очисти, вода, меня)
В жаркое парево, дверью гремя.
«Ну-ка, давай-ка, попробуй, Наталия,
И прохлещи что есть силы меня;
Весело ухни на камешки ковшиком...»
Лезу на полוג, лежу, не дышу...
Вдруг зашипел и рванулся под кожу мне
Пар тонкоиглый – горячий шалун...
Милая хлещет меня не жалеючи
По пояснице, спине и плечам...
Дело готово. И милой теперича
Градусов я ещё больше поддам.
Смолы еловые, смолы сосновые
В пареве жарком дают аромат...
Чувствую, скоро родятся по-новому
Два существа, что тазами гремят.

Миг обновления, омоложения...
...и, обалдев от холодной воды,
Плещемся в озере до остужения,
Сделав совсем небольшой передых.
Паримся, паримся, хворь выгоняючи,
И не боимся растаять в пару.
Нет, ну каким же я боровом давеча
Был, не поверите, впавший в хандру.
Поры открыты холодному воздуху.
Шумно за баней вздыхает ольха.
С милою мы, на сто грамм не тверёзые,
К ночи...
под месяц...
идём отдыхать.

У ФОТОГРАФА АЛЬБЕРТА

Здравствуй, самый-самый добрый
Наш фотограф-позитив!..
Твой салон решили оба
Мы сегодня посетить.
Щёлкни нас не по формату,
О, художник и поэт!..
Сколько лиц тобой отснято,
А таких, как наши – нет.
Глянцеватель, негативы...
Что ты, друг? А может, чай,
Ты новаторству противен?..
И обычная печать
Для тебя привычней? «Фото —
Не компьютерная ложь...
Настоящий снимок – вот он;
Посмотрите, как похож...»

У фотографа Альберта —
Сумрак, светдефицит...
На стенах свободных нету
Мест, где снимок не висит.
Глаз аквариума круглый.
В нём – две толстых золотых
Тоже щёлкают друг друга,
Не боятся темноты.
Вместо фона зонтик белый,
Бра вместо фонаря...
Но зато – один из первых
Наш Альберт. Поди, не зря
В тесном холле, в ожиданье,
Постоянно кто-то есть...
Предстоящей встречей с тайной
Каждый угол дышит здесь.
Как стилист – слегка манерен.
Ярок – словно кутюрье...
Но, имея вкус и меру,
Он с клиентом – наравне:
И расскажет, и расспросит,
Намекая на призы...
Дело, видимо, в гипнозе,
Что аж дыбарем усы.
Мягкий, женщине подобный,
Артистичный, прям – звезда...
«Я тебя снимать попробуй...
Птичка-птичка вылетать...»

Рассмешит – и вмиг забудешь
Про заботы и дела, —
Не отторгнешь, не осудишь,
Будто нет на свете зла.
Ну, при чём здесь принадлежность...
Разве в том его вина?..
А работник он прилежный,
Аж гарантия видна.
««Десять тридцать... Понедельник...
Вот визиточка... Adieu...»
Видно, малый – не бездельник.
Не жалея отдаю
Я ему авансом «квинту»,
Поскорей спеша на свет...
Помогай ему Фемида,
Чтоб здоров был и —
«привет...»

ПРОГУЛКИ ПО РАСТАЯВШЕМУ ВРЕМЕНИ

Квартирами времени прошлых лет
Предстал мне музей – этнический спутник.
Отчасти и я в нём уже раритет —
Живой экспонат, архив, по сути.
Такое поведать я вам могу,
Навспоминать историй забавных,
Что тысячи слушателей прибегут
Послушать рассказчика... И в запале б
Я начал рассказывать им, пока
Они не вскричали б – «довольно!», «хватит!»...
А так из памяти извлекать
Порою приятно, что только представьте —
Ни времени нет, ни старости нет, —
Сплошная свобода перемещений,
Как в этом музее прошедших лет
С немалым количеством помещений.
Да, стиль бутафорен, фальшив и мёртв.
Но память свежа и предметы живы.
С иголки песок и... опять плывёт
Шаляпинский бас под разжим пружины.
А вот – романтический уголок, —
Отдушина солнечных шестидесятых:
Сошедший по Мао с ума восток,
Патлатые хиппи (но к ним предвзято
Не стоит с ходу), проспекты мод,
Знакомые с детства приборы быта...
Порог, коридор, третья дверь, поворот...
Плакаты с вождями красны и слиты
В один непонятный конгломерат...
И ты, уже часть этой самой силы,
Цепляешь на лацкан рубиновый бант
И... мчишь на парад Первомайской России.
А что ещё делать, когда вокруг
Такое давление идеологий?..
У туфель урезали женский каблук,
Чтоб в марше не подвернулись ноги
Московских красавиц. Бежать скорей
От этих полотнищ пунцового цвета,
Пока не проникла масонская хрень
В сознание этнического поэта!
Игрушки!.. (и радость по телу волной)
До боли знакомые!.. Перебывало
Немало в руках моих... Но у одной
(железного красного самосвала)
Я замер, как вкопанный. Хоть сейчас

Лети развесёлый за другом Колькой,
Что из дому выкатил свой «БелАЗ»,
Затеяв в песке грандиозную стройку.
Из юности – в детство одним прыжком...
И всё это рядом, без хитрых планов,
Порталов, разломов, крутых витков,
Нелепых усилий, легко и плавно.
Не всё восполнимо, увы, не всё...
И жаль, что природа родного края
Уже – не такая.
Всё меньше сов,
Медведя, тем более горностаю,
Чьё чучело выставлено напоказ,
Длиною – от локтя до кончиков пальцев.
Я здесь и увидел его в первый раз
И, может, в последний. Хотел бы остаться
Я в этом музее, но не обмануть
Себя в ирреальности выцветших гримов.
И я отправляюсь в свой будущий путь,
Стремящийся в прошлое необратимо.

ПАРК

(вариации на тему)

1.

Сосновый старый бор давно привык к асфальту, —
Привык не замечать электропроводов...
...и хвоя на ветру звучит протяжным альтом...
И я под этот звук — хоть век идти готов...
Округлые холмы обвязаны иголкой.
Зелёный потолок: без крыльев — не достать.
А в хвойном небе — свет: немыслимо высоко
Уставший жёлтый шар старается сиять.
Здесь тень рождает миф и делит на мотивы.
...и я спешу тропой до флигеля, а там... —
У голубой воды гуляет молчаливо
Всё творческий народ, любясь, как вода
Бежит из черпаков в прозрачные канистры...
По травам кружит блик, почти неуловим...
А в небе — птичий хор картавеньких горнистов
(порой и вороньё поёт, как соловьи).
Куда не поглядишь — малюточки-домишки.
Не гномики ли, а, случайно там живут?
И сам отвечу — нет. Пожалуй, было б слишком...
Картошка здесь нашла свой временный приют.

Заветные слова определить несложно.
В ходу у нас их — три, как будто бы... И вот —
Навстречу мне идёт улыбчивый прохожий
И старенький мольберт под мышкою несёт.
А ниже, у мостин, на пне сидит старушка.
В корзинке у неё — предметы волшебства...
Хотя, чего уж там — простая побирушка,
С бутылочкой ноль-семь, что, кажется, пуста...
Пора бы уходить... Я набродился — вдосталь.
Я приоткрыли покой, что жив ещё пока...
Но вот пройдёт годков так, скажем, девяносто
И... Что оставит здесь железная пурга?
Дано ли уцелеть? В утопию не верю.
Гуманен ли народ в деяниях своих?
О том ли так орут солисты в чёрных перьях?
Иль «бр-р-раво!» мне кричат картавые за стих?

2.

Под пологом хвои, соединены,
Идём мы с тобой совершенно одни.
Идём мы с тобой по сосновому бору,

По узкой тропинке – то с горки, то в гору...
Не здесь ли творил живописец Мане?
Пестрит флигелёк родника в глубине
Просветов, за вязью резного забора...

И всюду...
И всюду мы чувствуем взоры...
Ревнивые взоры волшебных существ.
Гляди, появился и снова исчез
Рассерженный дух... Не могу разобраться
В гирлянде мелькающих мистификаций.
Чем вызваны эти визиты извне,
Когда мы с природою наедине?.. —
Когда мы шагаем под музыку слова
В желанной обители царства лесного?..

...и медленно лапы колючие бор,
Шурша, расправляет над нами в узор.
Как быстро попались в объятия эти
С тобой мы. Держите, сосновые сети,
Забывших об истинной жизни людей,
Блуждающих в царстве обманных идей...

Водой родниковую мы угостились...
Спросили про время и... за-то-ро-пи-лись...
И хочешь не хочешь, а надо бежать,
Недоброму миру словцом потакать.
Хрустят под ногами сухие иголки...
Надолго ль уходим?.. А толку, а толку...

Бежим, оставляем зелёный покой
С незапертой дверью, как сон, за собой.

REMINISCENTIA

I.

Во бору высоком речка протекает.
Издавна зовётся Пидемкой она.
Чем же эта речка так нас привлекает,
Раз проводим время с нею допоздна?
Зелена-зелёна в ней вода-водица...
Тут она – прозрачна, там она – мутна...
А коль есть желанье – можно и напиться,
Лишь была бы жажда ей утолена.
По обрывам речки – хвойные гиганты
С выгрызом под конус... Здравствуйте, бобры!
Вы, я вижу нынче всей своей бригадой
До боров дорвались, словно топоры.
Маленькая заводь в золоте чешуек.
Мшистый, топкий берег. Частые кусты.
Как закину уду – тут же лещик шустрый...
А в воде уж быются новые хвосты.
На течение тоже ловится неплохо:
Поплавок заныришь, хватать плотву с кубла...
Вот вчера, грамм в триста, сорвалась рыбёха,
Бултыхнулась в речку – только и была.
Влёт пустилась утка, шлёпая крылами
(красненькие ласты по воде частят),
Прям передо мною, прям над плавниками...
Жаль, с собой не взял я фотоаппарат.
Тут забудешь напрочь про себя... А мысли —
Всё за круглым камнем, там, на глубине...
Не клюёт. Ай, ладно... Горсть воды... Умылся...
И решил, что хватит... Ну а чё? Вполне.
Онемела шея, колет поясницу,
А от поясницы в ногу отдаёт...
В соснах ожил ветер. Солнце в лес садится...
И лиловым тюлем дышит небосвод.

II.

Под острый писк несносных комаров
Я вышел к речке.
А взгляд у речки – пристально-суров.
Плывут колечки
Игривых рыб. Здравуюсь с тайгой.
Кричу: «Зда-ро-ва-а-а!!!...»
Хоть показалась мне она больной,
Лишённой крова.
Плотва ушла, забившись под топляк
Да под коряги...

И на крючок не лезет мой червяк...
И рад бедняге
Я жизнь вернуть, но хитрая блесна
Застряла цепко...
И кто ж со дна там смотрит на меня
Такого в кепке?
Пакет с водой повесил я на пень,
А пень – трухлявый...
Какой там лещ! Накрыла тину тень...
Одна забава.
Гляжу, сомненьем мучим, на блесну...
Да дёрнул резко...
Чего ж я жду?... Прекрасно... До-тя-нул...
И...
рвётся леска.

III.

Я поймал золотого леща,
Разлучив его с мокрой жизнью,
Тяжело приподняв над водой.
Сладострастно на берег таща,
Про себя вопрошал я: «Решился
Так легко согласиться с бедой?..»

Всё вдруг вздрогнуло в тёмной воде,
Будто был он водою увиден.
Капли жизни летели с хвоста...
Отходил, отыграл, отвладел
И... сорваться теперь уж не выйдет...
Вот и берег. А там – пустота...

Так его затухало сознание.
Лёгкий шелест пакета..., где он
Превращался в холодную тень,
Видя, как я рукой осязаю
То, в чём только что жарко текло
Рыбье время подводных страстей.

Был ли он, золотой этот лещ,
В бесконечности пойманных рыб
Столь заметен и выпукл?... Шутка?
Сожалеть ли о том? Мир зловещ
И... не слышит он рёва в надрыв,
Что бывает и горьким, и жутким...

Не дотронуться: жизнь – кипяток.
К мёртвой клетке стремится живая...
А каков механизм – не понять.

Так готова ль душа на рывок,
Ярким лучиком время пронзая,
Чтоб икринки свои отметить,
От обманных крючков их спасая?

ЛЮБИМАЯ СПИТ

Пусть любимая спит
(и не властны над нею года)
Непосредственно так,
Наигравшимся за день ребёнком...
Пусть любимая спит...
Но любовь не уснёт никогда.
Не пугай, темнота,
Не вздыхай, возмущая тревогу.
Однобокий, бесстрастный и злой,
Всё ясней проявляется нрав
Этой ночи, к любви
Нетерпимый, вне слов и палитры...
Но мой ангел – со мной.
И... кого мне ещё выбирать?
Пусть любимая спит,
Безмятежною тайной укрыта...
Я ещё посижу,
Карауля пленительный сон
От случайных звонков
И неожиданных ночных визитёров;
Я ещё посижу...
Пусть по стенке плывёт колесо
Безразличных часов...
...лишь задёрну тихонечко штору,
Чтоб не шурила глаз
Любопытная к спящим Луна
И... прилягу на край
Неизвестного сна, сдавшись ночи.
К божеству в первый раз
Близко так подойдя, как дитя,
Стал я с ней в этой тьме чем-то общим.

Да и ночь ли была?..
Не понять...
И были ли мы?..
Ни разочка, клянусь,
Я не вспомнил о суетном мире...
А за окнами – мгла
Да метельный остаток зимы...
Где мы в этой зиме?..
Словно
нет нас
в помине.

JESTER JACK

А вот и твой портрет, некозырной валет:
Прямой дворянский нос, волос сухая стружка,
Слегка лукавый взгляд, но глаз как будто нет...
Зато, как лопухи, торчат большие уши.
Загар на пол-лица, высокий белый лоб,
Щетиной двух недель запущен подбородок...
От слов твоих порой берёт меня в озноб,
Что сам себе кажусь взыравшим уродом.
Хапец меж синих губ танцует под слова,
Что вместе со слюной пробрызгивают вяло
О том, что ты опять идёшь голосовать
За страшного, как смерть, тупого генерала.
О том, что он ещё вернёт СССР,
А нас – на Колыму определит в бараки...
И слово – как снаряд, и взгляд твой – как прицел,
И лают, не унять, вокруг тебя собаки.
И ростом-то с аршин, а сам – Наполеон!..
Иль все коротыши софисты и трибуны?..
В худых твоих руках – таинственный закон,
Что ждёт ворчливых масс и... кукольного бума.
Видал б твоё шмотьё маститый кутюрье!..
Да, подиум – не жизнь, а дефиле – не носка.
Пиджак с дырой в спине да юбка до колен
В сиреневый цветок и мелкую полоску.
Ступни худющих ног в кирзовых сапогах
Не ведали, небось, годами гигиены...
А всё куда-то ввысь... глядишь, на облака,
Пытаясь нам предстать большим интеллигентом.
«Ну вот, нарисовал... Похож?..» И на лице
У парня до ушей улыбка дуралея.
Улыбка – всем к лицу... И даже Люцифер
С улыбкой иногда становится добрее.

НЕСОЛОНО ХЛЕБАВШИ

Без клёва – не клёво. Сидим, да что толку,
В узёхонькой лодке среди озерца.
Где рыба? Кто скажет? Уж лодка промокла.
Да что там!.. Заилилась даже блесна!..

Из окон домов наблюдают за нами
Ленивые дачники, щурясь от сна.
Безветрие. Зеркало вод, где в орнамент
Незримый художник вписал небеса.

А слышимость (слышите?) – просто пугает.
Вон там обсуждает не нас ли сосед?
Заахала чайка и... ринулась камнем,
Не клёвую рыбу схватив за хребет.

Плыви ж побыстрее, небесная вата,
Чтоб воды тебя не смогли отражать.
На вёсла бы надо... А может, не надо?..
А может быть, надо ещё подождать?..

Зовёт нас сынишка с мостин и от эха,
Как будто б качнулись в воде облака...
Всё. Хватит рыбачить, ловя на потеху
Лишь то, что разносят про нас берега.

ЭТЮД

Над заводью старые сосны
Цепляются за облака.
Прекрасно сгоревшую осень
Несёт сквозь туманы река.
Слетают отцветшие листья
К замшелым камням берегов,
И ждёт опустевшая пристань
Вчера отзвучавших гудков.
Картинкой из сказки забытой
Предстала мне заводь реки.
Кто скажет: долгонько ли быть ей,
И быть ли вообще, вопреки
Так быстро слабеющим силам
Когда-то свободных природ?
Одежды свои обносила
Земля на полсрока вперёд.
Хрустит холодок предрассветный
В промокших ладошках листвы...
И шепчет, и шепчет мне ветер:
«С какого же берега ты?»

В ОЖИДАНИИ РАДОСТИ

*«... но, чтобы стоять —
нам нужно держаться корней»
(Борис Гребеничиков)*

За узкой речкой Пидемкой,
На луговых холмах,
Домишки пораскиданы
На русский на размах.
Душистой древесиною
Пропах он изнутри
Сосновый и осиновый
Посёлок на Свири.
Потерянный во времени,
Уходит в землю он
Бревенчатыми стенами
До самых до окон.
Просмоленными банями
Речную воду пьёт,
Чтоб были мы избавлены
От хвори и забот.
Паломники, как слоники —
За чистою водой....
(вот только сквернословие... —
всерусский наш устой)
Спешат они к кормилице,
Грудные существа...
И в этом смысл мне видится
Всемирного родства.
Уходит время старое,
Сгорает берестой.
Приходит время странное
С холодной красотой.
И терема кирпичные
Надменно смотрят вниз,
Где средь домишек спичечных
Коты гоняют крыс.
Теперь другие правила,
И новая игра
Своих тузов расставила
У каждого двора.
Но разве можно выбелить
Зелёный мир любви?
Россия – наша Библия,
В которой мы – свои.
Не правда ли, как здорово

И как раздольно тут?..
Не то, что в тесном городе,
Где люди – не живут.
Приду сюда до срока я
Какого-нибудь дня:
«Ну, расскажи, сорока, мне,
Как жили без меня...»
Эх, бусинки на ниточке —
Домишки деревень!..
Ужель могу я вылечить
Столичную мигрень
Косою да лопатою,
Пилой да топором?..
За труд крестьянский ратуя,
Мы лени нос утрём!
И заворчат дворнягами
Знакомые дворы,
Когда пойдём по ягоды
В сосновые боры.
Лесной одымлен тайною,
Я сяду у костра,
Держа веков предания
На кончике пера.
Неслышным колокольчиком
Качнётся новый стих,
Чтоб ясным ровным почерком
По белому цвести
Над шёпотом и шорохом,
Над хором чёрных птиц,
Над вымыслом и ворохом
Исписанных страниц.
Шагает тропкой узкою
Широкая душа!
Я жив деревней русскою
Рассветно, не спеша...
Заветное желание
Творить в её дали —
И есть моё призвание,
Признание в любви.
За узкой речкой Пидемкой,
На луговых холмах,
Домишки пораскиданы
На русский на размах.
Войду ли я в деревню ту,
Аль нет – не в этом суть.
Богам своим поверить бы
Да Родину вернуть!..

У ВАЛЕНТИНЫ

(вечерний этюд)

Возле озера – баня, на троечку с плюсом,
Огородик, заросший густым сорняком...
На другом берегу – с головой окунулся
Жёлто-красный закат в нежный лён облаков.
Вниз, до озера, к лодке – сырые ступеньки.
Лодка спит у мостин, что прогнили давно.
Час девятый. Клонится ко сну деревенька...
Засыпает она... Ну и мы заодно.
На столе возле бани – варенье с морошки,
Три фаянсовых чашки, батон, заварник...
«Ну, куда вам спешить? Посидите немножко...»
Нет, гостить допоздна я, мадам, не привык...
Недостроенный дом у хозяйки болеет:
Покосились леса, окна слепо глядят...
А ключами от дома лишь ветер владеет,
Проносясь сквозняком в никуда, наугад.
Оттого и живёт она в бане соседа,
Приезжая к нему на четырнадцать дней.
Но да дикий сосед одиночеству предан
И ни с кем он не делит своих простыней.
А в предбаннике – светит уют странноватый...
Чьи-то шмотки висят на оленьих рогах...
Серебро по воде... – грустный отцвет заката.
Вышел кот на тропу грызунов погонять.
В синем сумраке колком – ни цвета, ни формы.
И... непросто уйти по тропинке домой.
А ещё этот звук колыбельно-минорный...
То волной набежит, то задышит совой...
«Утром сяду за вёсла... Чуток порыбачу...
За грибами схожу... Земляники нарву...
Рано мне ещё, бабе, тянуться в раскачку... —
Говорит нам хозяйка. – Ещё поживу...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.